

УДК 009 (304.44+323.1)

*О. А. Вальгер**(Новосибирский государственный педагогический университет)*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Статья посвящена изучению практик, обеспечивающих преемственность постоянно воссоздаваемому конструкту нации в условиях свободного доступа ко всему разнообразию культурных знаков, который предоставляет нам современный мир. Автор рассматривает обучение иностранному языку, которое не рассматривалось ранними авторами как фактор эффективной трансляции коллективного нарратива, в контексте конструктивистских социально-философских теорий. Поскольку национальная идентичность существует в форме сверки процессов самоидентификации и идентификации индивида, роль обучения иностранному языку и кросс-культурной коммуникации может быть описана как создание потока ситуаций, вызывающих поток нарратива, рассказа себе о себе, постоянное сжатие привычного культурного кода в краткую версию для адресата, не владеющего данным культурным кодом.

Ключевые слова: национальная идентичность, иноязычная языковая идентичность, европейский образовательный стандарт, межкультурная компетенция, знаково-символическое поле.

Valger O. A.

NATIONAL IDENTITY IN TEFL

The article is devoted to the study of social practices that enable the continuity of constantly changing constructed nations in the environment of free access to varied cultural markers in the modern world. The author applies constructivist theories of social philosophy to observing these processes on the case of foreign language education which had not been previously seen as a factor of broadcasting the collective narrative effectively. As national identities exist as dynamic comparison of identification and self-identification by an individual, we may describe the role of foreign language education and intercultural competence as continuous supply of situations that prompt a stream of narrative, telling the self about the self and producing a brief version of the habitual cultural code for the addressee that is not competent in the same cultural code.

Keywords: national identity, L2 self, CEFR, intercultural competence, a symbolic field.

Идея многоэтнического гражданско-го национального сообщества основывается на допущении, что языковая личность изменчива, и одним из способов интеграции новых членов в воображаемое национальное сообщество интеллектуальные политические элиты национальных государств традиционно считают обучение государственному

языку [2, с. 09]. Изучение иностранного языка при этом часто рассматривается как процесс, либо не участвующий в конструировании национальной идентичности, либо конструирующий иную, конкурирующую с национальной, идентичность – межкультурную, или глобализованную. Однако все современные нам конструктивистские и этнокультур-

ные теории национализма рассматривают мобилизацию культурного опыта индивидов как ключевой аспект формирования национальной идентичности, и можно предположить, что наличие иноязычного культурного опыта также может служить основанием для подобной мобилизации. Это косвенно подтверждается тем, что ядром национальных сообществ, формирующим ассортимент символов знаково-символического поля и практик его освоения, являются интеллектуальные или политические элиты, среди которых, предположительно, владение одним или несколькими иностранными языками более распространено, чем среди общего населения того или иного государства. Отсюда вытекает методологическая необходимость описать практики изучения иностранного языка в контексте социально-философских подходов к изучению национальной идентичности.

Для молодых европейских национальных государств XVIII и XIX веков были характерны процессы языковой стандартизации, сопровождающиеся стандартизацией образовательных систем, унификацией учебных планов, созданием национальных академий и языковых корпусов национального языка (словари, энциклопедии, литературные и научные журналы, печатные издания, библиотеки кодифицированных юридических документов). Обучение иностранному языку включалось в национальные стандарты согласно традиционным доводам грамматико-переводного метода – изучение иностранного языка «дисциплинирует ум» [7, с. 42]. Вместе с тем, в периферийных национализмах, развивающихся в XX и XXI веке на руинах колониальных империй и молодых распавшихся постколониальных государств, владение иностранным языком чаще всего рассматривается и обществом, и непосредственно данными человеку в опыте

группами социализации (прежде всего, семьей и школой) как мощный социальный лифт и фактор экономического преимущества для индивида. [17, с. 24] Нам не удалось обнаружить национальных стратегий обучения иностранному языку, которые указывали бы, что включение такого предмета в школьную программу целесообразно по причинам формирования идентичности, гражданской позиции или обогащения интракультурного опыта.

Популярным сюжетом исследования идентичности в обучении иностранным языкам в последние десятилетия является формирование дополнительной языковой идентичности, а культурный опыт, осваиваемый индивидом в процессе обучения, рассматривается как вспомогательное средство [10, с. 79]. Так, Майкл Байрам, один из авторов термина «межкультурная компетенция», широко применяющегося в теории и методике преподавания иностранных языков, указывает, что коммуникативный подход в значительной степени опирается на изучение языка в контексте иноязычного культурного опыта [8, с. 322]. С публикацией в 2001 году Советом Европы CEFR, европейского стандарта в преподавании иностранных языков, упор на формирование межкультурной компетенции при обучении иностранному языку окончательно утвердился как общепринятая практика. CEFR указывает, что «межкультурная компетенция включает осознанность регионального и социального разнообразия в “мире привычной культуры” и в “мире иноязычной культуры”» [9, с. 103]. Такое понимание оставляет простор для толкования родного и иностранного языков как находящихся в оппозиции и восприятия родного языка и родной культуры человека как образующих национальную идентичность, а иностранного языка и иностранной культуры как бросающих ей вызов.

Для ранних исследований национализма в русле примордиализма было характерно повышенное внимание к роли языка как государствообразующего элемента, при этом носители внешних языков, периферийных языков и региональных диалектов понимались как подлежащие ассимиляции ради поддержания национального единства. Однако к 1970-м годам сложился спектр экономических (Эрнест Гелльнер [11], Том Нэйрн [16]) и политических (Джон Брейи [11], Майкл Манн [14]) теорий национализма, согласно которым ассимилирующая языковая политика может быть одним из факторов мобилизации, но не обязан быть её центральным и тем более единственным двигателем. Более поздние исследователи в рамках конструктивистского подхода (Бенедикт Андерсон [1], Эрик Хобсбаум [6]) и этносимволизма (Энтони Д. Смит [18]) наметили ассортимент культурных маркеров, которые могут выступать движущими силами в построении или формировании (в зависимости от подхода автора) нации и национальной идентичности. Родной или государственный язык, как правило, является одним из потенциальных символов, вокруг которого строится мобилизация.

Система терминологии, сформированная теориями в рамках конструктивистского подхода, может быть суммирована следующим образом: «нации» являются социальными конструктами появились как ответ на новую экономическую реальность индустриализации и демократии, «национализм» есть традиция представлений об отражении наций в национальных государствах, «национальная идентичность» выражается в соотношении индивидом себя с некоторым воображаемым сообществом, и с точки зрения политических элит ее построение и массовая мобилизация на её основе являются желанным для любого национального государства.

Термин «национальная идентичность» рождается на перекрёстке психологии, социальной философии и теории обучения и обозначает процессы, протекающие в пределах субъективной реальности человека, живущего в современном национальном государстве. Конструктивистские теории национализма изучают социальную реальность, рождающую национализм [4, с. 132] и предполагают, что политическое поведение индивидов в национальном государстве основано на воспроизведении коллективной идентичности – национальной идентичности, а формирование нации как культурного феномена национального государства сопровождается одновременно проектированием национальной идентичности и формированием национальной идентичности у индивидов, обладающих гражданством конкретного государства.

Национальная идентичность формируется, закрепляется (или, напротив, переопределяется, трансформируется) только в ходе социального взаимодействия и может быть рассмотрена как представления, знания и переживания, которые задают основу самоидентификации, о которых человек может сказать «это я». Категоризация гигантских множеств людей, не данных в непосредственном опыте знакомства и общения, на национальные сообщества, подразумевает процессы, качественно отличающиеся от простой экстраполяции сформированных в непосредственном опыте аффективных установок. Здесь мы переходим на уровень индивидуальной социальной реальности индивида, и попробуем рассмотреть, чем является для этой реальности обучение иностранному языку в контексте сказанного выше.

Как отмечает В. С. Малахов, идентичность – результат принципиально открытого процесса идентификаций, в которые человек вовлечен в ходе соци-

ализации и социальной адаптации, она подвижна и не может быть конечной в течение жизни [5, с.119]. Осваивая новый социальный опыт, в том числе иноязычный, человек надстраивает его на уже имеющийся, и при наличии широкого, неограниченного языковым и информационным барьером поля выбора информации человек склонен выбирать ту информацию, которая подтверждает его социальный опыт или расширяет его, не опровергая.

Поскольку национальная идентичность существует в форме постоянной сверки процессов идентификации и самоидентификации индивида в обществе, мы можем говорить о том, что владение иностранным языком и знакомство с иноязычной культурой добавляют ряд новых обстоятельств в эти процессы сверки. Взаимодействие человека с другим человеком вовлекает их обоих в сценарий. Наличие общего национального языка и пользование одной и той же версией этого языка, например, профессиональным жаргоном, сленгом или региональным диалектом, могут повлиять на исход такой идентификации положительно. Владение иностранным языком поверх национального может повлиять на этот процесс только опосредованно, через более частое употребление заимствованных слов, калькированных грамматических конструкций или варваризмов

Восприятие человеком одного из маркеров знаково-символического поля (например, прецедентного текста, предмета искусства, реалии) может актуализировать процесс самоидентификации – распознавания и признания либо непризнания себя как члена группы. Процесс самоидентификации опирается на переживание и освоение коллективного образа нации и национального государства, данного в коллективном нарративе – созданном и ретранслируемом интеллектуальными и политиче-

скими элитами потоке текстов. Освоение этого нарратива происходит через присвоение знаково-символического поля, которое элиты делают доступным и привлекательным через деятельность по распространению информации, созданию произведений искусства и культуры, символическую репрезентацию государства.

Тогда изучение иностранного языка можно представить как освоение человеком конкурирующего знаково-символического поля, созданного элитами другого национального государства. Однако при этом это поле не является доступным и повторяющимся в непосредственном социальном опыте человека, поскольку доступ к нему связан с преодолением языкового барьера, оно не дано в повседневной среде, и оно не подкрепляется в ситуациях взаимной идентификации. Это освоение без присвоения, а именно присвоение, интернализация знаково-символического поля служит источником аффективных действий, связываемых с политической мобилизацией на основе национальной идентичности. Другими словами: изучение иностранного языка и формирование дополнительной языковой личности не формирует конкурирующую национальную идентичность, поскольку опыт иноязычной культуры не результирует в подтверждении членства группой.

Однако, в контексте конструктивистского подхода к национализму и коммуникационной теории идентичности [12, с. 258] можно предложить набор гипотез, как изучение иностранного языка способно повлиять на национальную идентичность на уровне индивида.

Гипотеза 1. Изучение иностранного языка расширяет внешний контекст для ситуаций идентификации. Столкновение человека с «другим», у которого есть свои, альтернативные представления о признаках, присущих нации

данного человека, рождает кризисную ситуацию, справиться с которой человек может через мощную актуализацию своей национальной идентичности. В пользу этой гипотезы говорит наличие гиперболизированной национальной идентичности в эмигрантских сообществах, к примеру, в иммигрантских сообществах Нью-Йорка [15, с. 84].

Гипотеза 2. Изучение иностранного языка может являться источником моделирующих, неконфликтных ситуаций кросс-культурной коммуникации, в которых возникает потребность рефлексии о специфических особенностях родной, данной в опыте культуры. Кросс-культурную коммуникацию здесь можно представить как поток нарратива, рассказа себе о себе, постоянное сжимание культурного кода в краткую версию для адресата, не владеющего культурным кодом. Косвенным подтверждением такого эффекта могут служить отзывы студентов по обмену, получивших опыт повседневной коммуникации на иностранном языке и культурного шока, а затем вернувшихся в своё привычное сообщество [13, с. 231].

Гипотеза 3. Восприятие иноязычного знаково-символического поля создаёт опорные точки для сравнительно-сопоставительного анализа знаково-символического поля родного языка. Неожиданный объём понятий иностранного и родного языка создаёт точки напряжения, которые могут давать эффект большей осознанности объёма понятия на родном языке. Свидетельством того, что такой эффект имеет место быть, могут служить исследования влияния двуязычной компетенции на лексикон студента-филолога [3, с. 78].

Таким образом, с точки зрения современных конструктивистских теорий национализма изучение иностранного языка и формирование межкультурной компетенции не препятствуют процессам формирования национальной идентичности или процессам политической мобилизации на её основе. Вместе с тем опыт межкультурной коммуникации и двуязычная компетенция могут способствовать актуализации национальной идентичности. Степень влияния этих факторов на формирование национальной идентичности может быть перспективным направлением исследований.

Список литературы

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 416 с.
2. *Вальгер О. А.* Практики идентификации в гражданской нации (на примере обучения государственному языку) // *Философия образования / под ред. Н. В. Наливайко.* № 6 (63). 2016. С. 108–118.
3. *Доценко Т. И., Лещенко Ю. Е.* Влияние профессиональной двуязычной компетенции на взаимодействие языков в ментальном лексиконе студента-филолога // *Социо- и психолингвистические исследования.* № 4. 2016. С. 74–81.
4. *Коротеева В. В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. СПб: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 137 с.
5. *Малахов В. С.* Символическое производство этничности и конфликт // *Язык и этнический конфликт.* 2001. Выпуск 22. С. 115–137.
6. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
7. *Bransfor, J., Stevens R., Schwartz D., Meltzoff A., Pea R., Roschelle J., Vye N., Kuhl P., Bell P., Barron B. and Reeves B.* Learning theories and education: Toward a decade of synergy. Erlbaum, 2006. 95 p.
8. *Byram M.* The intercultural speaker and the pedagogy of foreign language education // *The SAGE handbook of intercultural competence.* 2009. P. 321–332.

9. Council of Europe. Council for Cultural Co-operation. Education Committee. Modern Languages Division. Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment. Cambridge University Press, 2001. 260 p.
10. *Dörnyei Z., Ushioda E.*, et al. Motivation, language identity and the L2 self. *Multilingual Matters*. Vol. 36. Bristol, 2009. 364 p.
11. *Gellne, E., Breuilly J.* Nations and nationalism. Vol. 1. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983. 94 p.
12. *Hecht M. L.*, et al. The communication theory of identity // *Theorizing about intercultural communication*. 2005. P. 257–278.
13. *King R., Ruiz-Gelices, E.* International student migration and the European ‘year abroad’: effects on European identity and subsequent migration behavior // *International Journal of Population Geography*. № 9. Vol. 3. 2003. P. 229–252.
14. *Mann M.* A political theory of nationalism and its excesses // *Notions of nationalism*. 1995. P. 44–64.
15. *Markowitz F.* Jewish in the USSR, Russian in the USA: Social context and ethnic identity // *Persistence and flexibility: Anthropological perspectives on the American Jewish experience*. 1988. P. 79–95.
16. *Nairn T.* The break-up of Britain: crisis and neo-nationalism. Common Ground, 2003. 398 p.
17. *Norton B.* Identity as a sociocultural construct in second language research // *TESOL in context*. 2006. P. 22–33.
18. *Smith A. D.* National identity. University of Nevada press, 1991. 226 p.